

Только отчасти функции комментариев выполняет предисловие, имеющее в целом другую задачу. Между тем в каждом переиздании старых работ желательно видеть хотя бы небольшие аналитические статьи, раскрывающие значение данного текста для последующего изучения темы и ставящие ее в контекст историографии. Читателю важно иметь возможность сразу, не прибегая к справочникам, увидеть, что появились новые исследования, развивающие или опровергающие идеи публикуемого автора, а также новые издания источников. Обычно для этого используется двойная система сносок (сноски автора и сноски комментатора).

Тем не менее тщательно продуманное и выполненное на высоком научном уровне издание первого тома собрания сочинений С.Ф. Платонова – заметное явление в современной историографии. Этот том, адресованный не только специалистам, но и широкому кругу читателей, без сомнения, станет настольной книгой для всех, кто изучает историю Руси XVI–XVII вв., а также историю науки XIX–XX вв.

В.Г. Вовина-Лебедева,
кандидат исторических наук
(Санкт-Петербургский институт
истории РАН)

П. Паскаль. Протопоп Аввакум и начало раскола / Пер. с франц. С.С. Толстого; Науч. ред. перевода Е.М. Юхименко. М.: Знак, 2010. 680 с.; П. Паскаль. Пугачевский бунт / Пер. с франц. Л.Ф. Сахибгареевой; Науч. ред., коммент., вступ. статья И.В. Кучумова. Уфа: ИП Галиуллин Д.А., 2010. 184 с.

Перу известного французского слависта Пьера Паскаля (1890–1983)¹ принадлежат 2 труда по российской истории XVII–XVIII вв., объединенные интересом к эпохам массовых оппозиционных движений и их лидерам. И хотя раскол Русской Православной Церкви и пугачевское восстание на протяжении последнего столетия изучались достаточно интенсивно, публикацию этих исследований в русском переводе без преувеличения можно назвать заметным научным событием². Такая оценка определяется тенденциями, в рамках которых сегодня развивается историческая наука. Дискредитация историософских построений и сугубо теоретического моделирования уже сформировала установку написания истории целого методом «избранных мест»³. Видимо, для того чтобы она не обрела дезинтегрирующих последствий, превратив прошлое «во множество миров, зависимых от разных идеологических перспектив»⁴, важен накопленный мировой наукой опыт по сочетанию макро- и микроисторических реконструкций. Этим, на наш взгляд, определяется современность предложенной П. Паскалем технологии анализа исторических эпох через биографии «народных бунтарей» – протопопа Аввакума и Емельяна Пугачева.

Обращение Паскаля к теме массовых протестных движений обусловлено не только былым увлечением социалистическими идеями и годами, прожитыми в Советской России. Во всяком случае, его воспоминания о знакомстве с текстом «Жития протопопа Аввакума» открывают скорее научные, нежели полити-

ческие или культурные истоки «французского славянофильства»⁵ первой трети XX в.: «Я начал читать книгу, и с самого начала она меня захватила. После почти интернационального языка современных журналов я столкнулся с чистым и сочным русским языком... Вместо сухой социологии, которая заменяла живую историю человечества сухими схемами, передо мной живо вырисовывался московский XVII век. Каким он представлялся мне разнобразным, то удивительно далеким, то столь близким двадцатому веку!» (Протопоп Аввакум... С. 32).

Именно в стремлении показать историю, «населенную» людьми, кроется обаяние книг Паскаля. Любопытно, что порой в его работах анонсируется вполне постмодернистская установка об авторском и читательском «удовольствии» как важнейшей задаче историописания, которая реализуется в структуре текста, отборе рассматриваемых сюжетов и названиях разделов. Этими особенностями исследовательского почерка книги французского слависта будут интересны не только историкам-профессионалам. В логике близкой ему концепции школы «Анналов», направленной на поиск констант человеческого сознания и поведения, Паскаль дает характеристику социальных, экономических, политических оснований российского общества XVII и XVIII столетий. В его изложении Россия предстает динамичным и вследствие этого социально и культурно неоднородным миром, где «свое» и «чужое» сосуществуют и видоизменяют друг друга, прежде всего на уровне повседневности.

Так, стремление российской монархии быть включенной в европейскую политику, по мнению Паскаля, усложнило отношение общества ко всему европейскому в XVII в., постепенно вытесняя эсхатологический страх любопытством. «Все хотели торговать» и, считает французский исследователь, в этом желании отразилось начало глобальных изменений – размывание ценностного ядра традиционной культуры и, как результат, обнаруживается несоответствие православного идеала реальности. Реконструкция жизненного пути протопопа Аввакума (детализированная, насколько позволяли источники) становится для автора возможностью показать, что в условиях «бунташного века» принципиальная разница интересов самодержавия и Церкви, с одной стороны, аскетической религии пастыря и обыденной религиозности паствы – с другой неизбежно вели к расколу. Специально подчеркнем: Паскаль характеризует реформу православной Церкви как часть огромного модернизационного проекта и потому считает недопустимым сводить ее последствия к конфликту сторонников нового и старого обряда. В свете вопроса о генезисе религиозной оппозиции не менее важными представляются сравнение Паскалем старообрядчества с движением янсенистов и его вывод о том, что в периоды социальных трансформаций культурное противостояние сакрального и мирского перерастает собственно сферу вероисповедания.

Особое место в структуре исследования Паскаля занимает «Житие протопопа Аввакума». Содержание этого текста хорошо известно и неоднократно анализировалось специалистами. Однако включенное в повествование, оно становится своего рода зеркалом, в котором отражается народное богословие XVII в. с его естественной верой в чудо, авторитетом экзальтированных личностей и легкостью подмены экзегезы здравым смыслом. В итоге у читателя складывается целостное представление о мировоззренческой специфике русского общества и понимание – у конфессионального лидера переходной эпохи нет биографии в привычном смысле, у него может быть только житие.

Последовательно рассматривая этапы становления Аввакума как идеолога «древлего благочестия», Паскаль обращается к вопросу о причинах, заставляющих человека XVII столетия задумываться о происходящем, и факторах, под действием которых индивидуальное неприятие отдельных сторон действительности перерастает в устойчивые и массовые протестные настроения. Не удивительно, что в дальнейшем его интерес к социальным и ментальным характеристикам людей, участ-

вующих в народных движениях, был реализован в работе «Пугачевский бунт». Привлекательность этой небольшой по объему книги заключается не в открытии новых исторических фактов или архивных источников, а в авторском прочтении и оценках известного науке материала.

Например, для XVIII в. Паскаль уже не видит религиозных оснований народного протеста, хотя и признает наличие среди потенциальных бунтарей большого числа старообрядцев. Религиозные настроения масс, как полагает ученый, были намеренно использованы «лжераскольником» Пугачевым и его сподвижниками. По сути, Паскаль правомерно отрицает здесь не раз звучавшие в литературе утверждения о пугачевском бунте как старообрядческом заговоре, показывая его более глубокие и разнообразные истоки. В этой связи ученый ставит актуальный не только для изучаемого времени вопрос о неприемлемости насильственных способов национально-государственного строительства. Такой путь, по мнению Паскаля, бесперспективен и опасен неизбежными межэтническими и религиозными противоречиями, принимающими форму межкультурной конфронтации. Неготовность осознать и принять самобытность чужого «Я» превращается в постоянный фактор риска, а неспособность власти учиться на своих ошибках, извлекая из них конструктивные уроки, становится доминантой активного участия нерусских народов в пугачевском и других бунтах. Ведущая для обеих книг тема раскола и народного протеста раскрывается здесь иной своей стороной, когда конфликт из латентного состояния выходит во внешнюю среду и реализуется через откровенную русофобию.

В поисках смысла «бессмысленного» и «беспощадного» русского бунта Паскаль пытается рассмотреть его как феномен, возникший на пересечении объективных и субъективных факторов исторического развития. Менявшееся в условиях российской вестернизации социально-экономическое положение различных категорий народных низов осложнялось их эмоциональными переживаниями инноваций, колебаниями психики и, как следствие, ростом протестных настроений. В ситуации острого психосоциального кризиса бунт становился своего рода «лекарством» от коллективных страхов. Размышляя о допустимости насилия в истории, или, как он пишет, о «цене крови», Паскаль обращается к дилемме цели и средств народного протеста. Рассуждения французского ученого на эту вечную тему принимают вид морально-нравственных сентенций. Признавая обоснованность и закономерность

недовольства, бывший «революционер» в то же время отказывает протестующим в праве на насильственные методы решения своих экзистенциальных задач: «зло редко лечится злом», полагает он. Поскольку автор вряд ли можно «заподозрить» в симпатиях к «толстовству», остается непонятным, какой же вариант для него предпочтительнее – «икона» или «топор», путь Аввакума или путь Пугачева? И хотя прямых ответов в книгах Паскаля нет, сопоставление их текстов дает возможность предполагать, что обе альтернативы видятся ему нежизнеспособными, венцом каждой из них оказывается насильственная смерть.

Ценным с точки зрения социо-гуманитарных наук является подход Паскаля к проблеме исторической случайности, возросшая познавательная нагрузка которой все чаще признается современной историографией. Героями обеих рецензируемых книг оказываются яркие, незаурядные личности, которые в изображении автора наделяются мессианскими качествами, способностью убедить окружающих и самих себя в своей избранности, повести за собой людей и таким образом изменить «порочный» ход истории. Не случайно предводитель пугачевского бунта прямо называется им с заглавной буквы «Спасителем», а его сторонники – «верными апостолами». «Родство» изученных Паскалем личностей видится также в том, что человек, принимавший сакральное царское имя, выдававший себя за какого-либо пророка или самого Христа, как правило, терял свободу жизненного выбора и должен был действовать в соответствии с предписаниями традиции.

Примечательно, что в обоих случаях путь спасения видится как возвращение к ушедшему «вчера», к идеализируемой традиционной ментальностью старине. Иначе говоря, в понимании французского слависта и общественно-религиозное движение старообрядцев, и пугачевский бунт, обращенные своими идеалами «вспять», стоят на пути распада привычных структур повседневности. И острота конфликта выступает здесь как следствие антагонистического «столкновения цивилизаций», когда «на кону» оказывается судьба России. При этом «проигрыш» протестующих неизбежно оборачивался активной интервенцией культурных инноваций, менявших весь жизненный уклад. Известно, что для Запада этот путь оказался чреват глубокими революционными потрясениями, а потому едва ли можно принять вывод Паскаля, что «пугачевская традиция не сыграла никакой роли ни в революции 1917 г., ни в крестьянских бунтах, подготовивших и сопровождавших ее» (Пугачевский бунт. С. 174).

При обращении к монографиям Паскаля, конечно, следует учитывать, что они написаны достаточно давно и отражают характер научных представлений 1930–1970-х гг. Сейчас появились работы, позволяющие иначе взглянуть на закономерности переходного периода от Средневековья к Новому времени и особенности социокультурного развития России в этих условиях. Их выводы уже не позволяют сводить причины раскола лишь к «моральным и материальным последствиям» Смуты, утверждать, что «память о Пугачеве» очень быстро «потеряла свою актуальность», или оценивать старообрядчество и пугачевщину как движения, не оказавшие серьезного влияния на общество. Вместе с тем нельзя отрицать и того, что французский исследователь обратил внимание и по-своему решил вопросы, чрезвычайно важные при объяснении характера массовых выступлений XVII–XVIII вв. Среди таковых принципы соотношения в них религиозных идеалов и политических интересов. Их слитность на примере как старообрядчества, так и пугачевского бунта, была отмечена еще русской демократической публицистикой XIX столетия, а впоследствии обоснована советскими историками в рамках общетеоретического подхода к народным движениям как «антифеодальному протесту в религиозной оболочке».

В такой трактовке сегодня справедливо видится упрощение, но отказ от нее тоже не будет продуктивным. Время показало, что рассмотрение народных движений без учета политической или конфессиональной (в том числе эсхатологической) составляющей лишает столь масштабные исторические явления качеств целостности. Возвращение к системности при изучении российских модернизационных реалий, протестных движений и форм выражения императивов и ожиданий их участников, несомненно, возможно разными способами. Путь, предложенный Пьером Паскалем – человеком, прекрасно знавшим и чувствовавшим русскую культуру, – один из них.

**Е.Е. Дутчак, доктор исторических наук
(Томский государственный университет),
В.Я. Мауль, доктор исторических наук
(Нижевартовский филиал Тюменского
государственного нефтегазового
университета)**

Примечания

¹ *Водов В.А.* Пьер Паскаль // Труды отдела древнерусской литературы / Институт русской литературы РАН (Пушкинский Дом). Т. 43. Л., 1990. С. 434–436; *Кокен Ф.-К.* Пьер Паскаль (1890–1983):

его политический и духовный путь // Из глубины времен. Вып. 8. СПб., 1997. С. 130–141; *Нива Ж.* «Русская религия» Пьера Паскаля // *Нива Ж.* Возвращение в Европу: статьи о русской литературе. М., 1999. С. 112–127; *Струве Н.А.* Петр Карлович Паскаль: память учителя и друга // *Струве Н.А.* Православие и культура. М., 2000. С. 197–201.

² Оба исследования на французском языке издавались дважды – диссертация «Аввакум и начало раскола» в 1938 и 1963 гг., монография «Пугачевский бунт» в 1971 и 1973 гг.

³ *Савельева И.М., Полетаев А.В.* История как знание о социальном мире // Социальная история: 2001/2002. Ежегодник. М., 2004. С. 9.

⁴ «Круглый стол» по книге О.М. Медушевой «Теория и методология когнитивной истории»: С.И. Маловичко // Российская история. 2010. № 1. С. 154.

⁵ О термине см.: *Данилова О.С.* Французское «славянофильство» конца XIX – начала XX века // Россия и Франция XVIII–XIX в. Вып. 7. М., 2006. С. 236–270.

И.Я. Куценко. Победители и побежденные. Кубанское казачество: истории и судьбы. Кн. 1. Императорский поместный этнос. Краснодар: Диапазон-В, 2010. 504 с., ил.

Рецензируемое сочинение принадлежит перу профессора Кубанского государственного технологического университета Игоря Яковлевича Куценко и представляет собой развитие положений его предыдущей книги «Кубанское казачество» (изд. 1. Краснодар, 1990; изд. 2. Краснодар, 1993). В новой книге автор пытается доказать, что кубанские казаки заняли в социальной пирамиде Российской империи место неких военизированных «подпомещиков», носителей монархического консерватизма, призванных выполнять полицейские функции душителей освободительного движения.

По мнению Куценко, «исторически первой» государственной обязанностью кубанского казачества было активное участие в завоевании Кавказа и удержании местного горского населения в повиновении «имперскому владычеству». Превратившись в «зону оплота феодально-монархических реакционных основ социальной организации», кубанские казаки, как считает автор, приобрели «сословное самомнение», приобщились к угнетению иногороднего крестьянства. Это не только резко обособило казачество от последнего, но и сделало казаков «принципиальными противниками эксплуатируемого народа». Однако основной пафос сочинения Куценко направлен против ведущей и признанной в Краснодарском крае школы исторического кубановедения профессора В.Н. Ратушняка. Перед читателями раскрывается скорее политический памфлет уязвленного автора, труды которого были уличены в тенденциозности¹.

Вряд ли читатель книги Куценко, претендующей на звание «пока единственной монографии, обобщающей исторический путь, пройденный кубанскими казаками», найдет обстоятельный историографический обзор. Создается впечатление, что автор слабо ориентируется в литературе о казачестве. Ему совершенно незнакомы исследова-

ния Ратушняка, Б.Е. Фролова, А.Н. Малукало, Н.И. Бондаря, В.А. Колесникова, В.П. Трута, В.И. Шкуро, И.В. Ивченко, А.А. Шахторина и др.², кроме «возмутивших» его научное достоинство статей, опубликованных Ратушняком и его соратниками. Из дореволюционных историков Куценко обратил внимание лишь на труды Ф.А. Щербини³, исторические взгляды которого характеризуются им как реакционные, а оценка достижений всемирно признанного историка кубанского казачества сводится к следующему: «Ф.А. Щербина облагородил царских прислужников шармом сусальной сказки о будто бы присущих им “повышенной народности”, особой необычности, героизацией их действий... Жупел щербинизма по-прежнему используется в наши дни. Теперь – для исторической реабилитации сословия царских “казаков”» (с. 291–292). Видимо, Куценко не знаком с трудами Е.Д. Фелицына, П.П. Короленко, широким кругом полковой историографии Кубанского казачьего войска (И.Е. Гулыга, А.Д. Ламанов, В.Г. Толстов, И.С. Кравдов и др.)⁴. В советской историографии автор «новаторского» сочинения также ориентируется не слишком уверенно, привлекая лишь те работы, которые отвечают замыслам его конструкции. А выдающегося советского украинского историка Владимира Алексеевича Голобуцкого Куценко именует «Глобуцким» (подобное написание фамилии видного казаковеда встречается в книге более десятка раз) (с. 353–355).

Не был замечен автор и среди участников проходивших на территории Краснодарского края международных и всероссийских научных конференций, посвященных казачеству. А именно на этих форумах ученых во многом не только обозначались перспективы развития казачеведения в России, но и был выработан понятийно-категориальный аппарат, расставлены акценты в изучении дискуссионных